

22. Козлова Н. В. Организационные формы предпринимательства: достоинства и недостатки // Законодательство. — 1997. — № 2. — С. 24—33.

23. Комментарий к Федеральному закону «О сельскохозяйственной кооперации» / Е. А. Галиновская, Е. Л. Минина, И. Ф. Панкратов и др.; Отв. ред. Е. Л. Минина. — М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997.

24. Абова Т. Е. Кооперативы как субъекты гражданского права // Субъекты гражданского права / Отв. ред. Т. Е. Абова. — М.: ИГП РАН, 2000. — С. 63—73.

25. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2002. — № 28. — 2/842; № 129. — 2/899.

26. Ведомости Съезда нар. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации. — 1992. — № 30. — Ст. 1788.

27. Закон Украины о потребительской кооперации // Відомості Верховної Ради України. — 1992. — № 30. — Ст. 414.

28. Чайнов А. В. Крестьянское хозяйство. — М.: Моск. рабочий, 1989.

29. Гражданское право: Учеб.: В 2 т. Т. I. — 2-е изд., перераб. и доп. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. И. Коваленко и др.; Отв. ред. Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2000.

30. Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1998. — № 30. — Ст. 3611.

31. Российская газета. — 1993. — 25 дек. — № 237. — С. 1—6.

Представлена в редакцию 19.09.2007 г.

УДК 347.22:346.9

В.С. Елисеев,

канд. юрид. наук,

доцент Гродненского государственного

университета им. Я. Купалы,

Республика Беларусь

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ ОТ ПОДМЕН В СЛОЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

В гражданском и хозяйственном праве, пожалуй, одним из немногих положений закона, защищающих экономическое содержание обязательства от подмены, является ч. 2 ст. 171 ГК Республики Беларусь [1] (ч. 2 ст. 170 ГК Российской Федерации [2]; ст. 235 ГК Украины [3]) о притворных сделках.

Следует пояснить, что в настоящей статье термин «обязательство» используется в его экономическом содержании, как «совокупность прав и обязанностей, объединенных единым имущественным интересом», образующих сформированный институт (обязательство купли-продажи, обязательство аренды и т. п., в противовес общепринятому обязательству, регламентирующему внутри института отдельное действие через обязанность должника его исполнить и соответствующее право кредитора [4, с. 775]); кроме того, «обязательство» используется как межотраслевая категория, включающая налоговые институты (обязательство налога на прибыль, налога на доход и т. д.), и институты государственной поддержки (институт субсидии, дотации и т. п.).

Действие указанной нормы ГК не распространяется на сложные обязательства, т. е. обязательства, состоящие из двух или более институтов обязательств, объединенных единым имущественным интересом и соответствующих критериям сложного обязательства (критерий единства сторон, критерий замкнутости основных прав и обязанностей, критерий наличия зависимого обязательства и др.)¹. К сожалению, в настоящее время сложные обязательства нашли минимальное обоснование лишь на уровне «смешанных» или «непоименованных» договорных обязательств в гражданском праве, которые касаются не столько сочетания институтов, сколько смешения различных условий договоров в рамках одного института [5, с. 154].

Поскольку сложные обязательства образуют сочетания институтов обязательств различных от-

¹ В данном случае в статье не анализируются общие положения теории сложных обязательств, даны только общие категории, необходимые в рамках проблематики настоящей статьи.

© В.С. Елисеев, 2007

раслей права (договор плюс налоговая льгота, договор плюс субсидия), частью которых являются сочетания обязательств одной отрасли (договор плюс договор), — проблема усугубляется отсутствием норм законодательства, касающихся подмены имущественного содержания налоговых обязательств и обязательств государственной поддержки.

Причины подмены имущественного содержания экономических обязательств различны: создание недобросовестной стороной для себя необоснованных выгод и привилегий, а для своего партнера, экономически более слабого, создание невыгодных условий (перевод всевозможных рисков и обременений); минимизация налогообложения; обход законодательных барьеров, и т. п.

При выборе сложного обязательства границы между новыми самостоятельными обязательствами и дополнительными элементами обязательств, которые меняют их юридические последствия, не всегда определены, что позволяет манипулировать возмездными и безвозмездными обязательствами, поскольку безвозмездное обязательство всегда можно представить как неполное возмездное обязательство.

Наиболее известными двусложными обязательствами, направленными на подмену имущественного содержания, по нашему мнению, являются следующие сочетания: *во-первых*, основанные на подмене возмездных обязательств безвозмездными, и наоборот: *возмездные договорные обязательства* могут быть заменены *двумя встречными безвозмездными договорными обязательствами* (равно, как и наоборот); *безвозмездные договорные обязательства* могут быть заменены *возмездными договорными обязательствами*, которые впоследствии дополняются в соответствии со ст. 385 ГК Республики Беларусь (ст. 415 ГК Российской Федерации; ст. 605 ГК Украины) *условием о прощении долга* (и наоборот); *во-вторых*, манипуляции, связанные с особенностями операций обмена: обязательства *мены* могут быть заменены *двумя встречными обязательствами купли-продажи* (и наоборот); в том случае, если нужно исключить встречное движение денежных средств, указанная связка может быть дополнена условием о *зачете встречных требований*, закрепленном ст. 382 ГК Республики Беларусь (ст. 412 ГК Российской Федерации; ст. 601 ГК Украины); *в-третьих*, поскольку белорусское и российское законодательство не предусматривает для мены в качестве экономического условия оказания услуг или выполнения работ, то следующая схема предполагает более широкое толкование обмена, — замена *предоставления встречных имущественных прав в различных сочетаниях* (имущество на работы, имущество на услуги, имущество на работы, работы на услуги, услуги на услуги или работы на работы) на *соответствующие возмездные договоры* (соответствен-

но: *купля-продажа и возмездное оказание услуг, купля-продажа и подряд, подряд и возмездное оказание услуг, возмездное оказание услуг и возмездное оказание услуг, подряд и подряд*), которые для исключения встречного движения финансовых потоков могут быть дополнены *зачетом встречных требований*; *в-четвертых*, любые договорные обязательства в соответствии со ст. 384 ГК Республики Беларусь (ст. 414 ГК Российской Федерации; п. 2 ст. 604 ГК Украины) могут быть заменены другими обязательствами путем новации; *договор подряда* может быть заменен совокупностью *купли-продажи имущества в будущем, дополненной залогом* (что получило закрепление в модели обязательства долевого строительства); *в-пятых*, *деление единых обязательств* (в рамках одного первичного института) на *совокупность последовательных обязательств*. Указанные манипуляции не являются окончательными, но, вместе с тем, охватывают значительную часть возможных подмен экономических содержаний обязательств.

С целью установления наиболее общих закономерностей правовой регламентации данных отношений более подробно рассмотрим отдельные из приведенных сочетаний.

А. *Замене возмездных договорных обязательств встречными безвозмездными договорными обязательствами* дан достаточно подробный научный анализ в рамках обязательственного права. Так, как заметил И. В. Елисеев, «и безвозмездные правоотношения... также могут испытывать действие закона стоимости» [6, с. 117], что, с одной стороны, как справедливо пишет В. В. Витрянский, не вписывается в конструкцию обязательств дарения [7, с. 331–332], но, с другой стороны, весьма актуально для экономических отношений в целом, поскольку дарение (спонсорство) достаточно часто в предпринимательских отношениях используется как часть возмездных отношений. Иными словами, внешняя безвозмездность не всегда является таковой в реальности.

На практике встречная безвозмездность нашла применение путем манипулирования различными моделями безвозмездных обязательств, наиболее распространенным из которых является дарение, которое в качестве своего экономического объекта предполагает не только передачу имущества, но и имущественные права.

Кроме дарения широкое использование получили обязательства наследования (когда речь идет о фактической подмене ими отсутствующих в гражданском законодательстве обязательств дарения после смерти), ссуды, безвозмездных работ и услуг.

Применительно к коммерческим организациям к обязательствам дарения многие ученые (В. В. Витрянский [7, с. 332–333], Е. А. Суханов [5, с. 334–345], В. Ф. Чигир [8, с. 130] и др.) относятся отрицательно.

Соответствующую позицию достаточно однозначно закрепил законодатель в ст. 546 ГК Республики Беларусь (ст. 575 ГК Российской Федерации), запретив дарение между коммерческими организациями, а следовательно, запретив для них встречное дарение.

Тем не менее, нетрудно заметить, что указанный запрет не распространяется, во-первых, на некоммерческие организации, которые вполне успешно могут заниматься коммерческой деятельностью, и индивидуальных предпринимателей; во-вторых, на отношения с потребителями; в-третьих, на оказание услуг, выполнение работ и наследование (конечно, если термин «имущественные права» не понимать предельно широко). Да и само ограничение между коммерческими организациями, с позиции анализа только норм ГК, обходится посредством создания различных фондов и иных некоммерческих организаций, включение в цепь индивидуальных предпринимателей и иных лиц, которым законодатель предоставил право заниматься предпринимательской деятельностью, при проведении взаимозачетов, и т. п., — иными словами, «голые» запреты ГК достаточно легко обходятся.

Несколько по иному решен указанный вопрос в п. 3 ст. 720 ГК Украины «Стороны в договоре дарения», которая разрешает предпринимательским обществам заключать договор дарения в случаях, если право осуществлять дарение прямо установлено учредительным документом дарителя, причем этот запрет не распространяется на случаи пожертвования. Соответственно, что касается некоммерческих организаций, то согласно п. 1 указанной нормы каких либо ограничений не усматривается.

В своих запретах белорусский законодатель пошел дальше всех: например, Указом Президента Республики Беларусь от 1 июля 2005 г. № 300 «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи» [9] юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям запрещено «оказывать организациям, индивидуальным предпринимателям, иным физическим лицам республики безвозмездную (спонсорскую) помощь в виде денежных средств, в том числе в иностранной валюте, товаров (имущества), работ, услуг, имущественных прав, включая исключительные права на объекты интеллектуальной собственности», кроме случаев, прямо перечисленных указом (п. 1 Указа); а Указом Президента Республики Беларусь от 15 августа 2005 г. № 373 «О некоторых вопросах заключения договоров и исполнения обязательств на территории Республики Беларусь» [10] организациям и индивидуальным предпринимателям запрещено «заключать договоры мены, а также прекращать обязательства по возмездным договорам новацией, предоставлением взамен исполнения отступного без

поступления в установленном порядке денежных средств организации, индивидуальному предпринимателю; прекращать обязательства без поступления в установленном порядке денежных средств организации, индивидуальному предпринимателю с превышением предельных нормативов прекращения обязательств, ежегодно утверждаемых Советом Министров Республики Беларусь по согласованию с Президентом Республики Беларусь (п. 1.1 Указа), — для сложных обязательств, указанный подход означает фактически полный запрет на замену возмездных договорных обязательств встречными безвозмездными договорными обязательствами. Указанное означает решение проблемы посредством общего запрета на уровне охранительного законодательства.

Однако в приведенных случаях возникает некорректное наложение общего запрета, предлагаемого для безвозмездных правоотношений ст. 546 ГК Республики Беларусь (ст. 575 ГК Российской Федерации) и приведенными указами, на общее разрешение, закрепленное ст. 391 ГК Республики Беларусь «Свобода договора» (ст. 421 ГК Российской Федерации), что означает попытку ошибочного совмещения административного правового режима («запрещено все, кроме того, что разрешено») и рыночного правового режима («разрешено все, кроме того, что запрещено»), что неизбежно влечет подавление первым второго. Это недопустимо, поскольку согласно теории построения правовых режимов, обоснованной в рамках объемно-институциональной (макроправовой) теории, различные правовые режимы при их некорректном соотношении взаимно подавляют или уничтожают друг друга [11, с. 116–118], — но это только одна сторона проблемы.

Существует и вторая сторона, которая отвечает на вопрос: *нужно ли с позиции формирования сложных обязательств для рыночных правоотношений в принципе введение запретов, подобных запрету на дарение?*

Поскольку основная цель юридического запрета — сдерживание и подавление негативного поведения сторон, — следует проанализировать возможности разрешения данной проблемы регулятивным (а не охранительным) законодательством.

Рассмотрим примеры манипулирования с безвозмездными сделками в сложных обязательствах: 1. Коммерческая фирма предложила гражданке С. договор, согласно которому фирма дарит ей крупную сумму денег и небольшие суммы ежемесячно, а гр. С., в свою очередь, отписывает на фирму завещание, по которому последней отходит квартира. Договор был составлен, деньги С. получила, завещание составила, которое после ее смерти явилось предметом спора. Третейский суд справедливо расценил, что имеет место притворная сделка, когда сложное обязательство (дарение плюс завещание) фактически

заменяет договор ренты, что согласно п. 2 ст. 170 ГК Российской Федерации (аналогичного п. 2 ст. 171 ГК Республики Беларусь; ст. 235 ГК Украины) влечет ничтожность исходной сделки и к ней применяются правила фактических рентных обязательств. Поскольку договор ренты в соответствии со ст. 584 ГК Российской Федерации (аналогичной ст. 555 ГК Республики Беларусь; п. 2 ст. 732 ГК Украины) предполагает государственную регистрацию, которой не было, фирма иск проиграла [12].

Несмотря на то, что бизнес, построенный на дарении (пожертвовании), по нашему мнению, является абсурдом, фирма явно «перемудрила» с юридическим оформлением обязательств и если бы она оформила свои отношения соответствующим рентным договором, то квартира, по-видимому, осталась бы у нее.

2. По иному суд решил дело, связанное с подменной договора мены двумя безвозмездными обязательствами дарения, оставив исходные обязательства в силе, когда гражданка А. дарит свою квартиру гражданке Б. (тете ее мужа В.), а Б., в свою очередь, дарит свой загородный дом (дачу) своему племяннику В., который впоследствии развелся с гражданской А., фактически, оставив А. без квартиры [13].

В обоих случаях безвозмездные сделки направлены на единый имущественный интерес, причем для обеих сторон (для второго примера А. и В. — семья, которая планировала переехать жить в загородный дом), и в случае, если бы одна из сделок изначально отсутствовала, то очевидно, что не было бы второй сделки.

В односложных обязательствах в подобных случаях приведенные в начале статьи норма ГК предлагает применять правила той модели отношений, которая фактически имеет место, что, по нашему мнению, вполне применимо для сложных обязательств.

Приведенные рассуждения позволяют на уровне института сложных обязательств сформулировать следующее положение: если безвозмездные сделки, входящие в состав сложного обязательства, совершаются между одними и теми же сторонами (либо связанными сторонами) и направлены на взаимное встречное удовлетворение имущественных интересов сторон, то к сложному обязательству необходимо применять правовую регламентацию того обязательства, закрепленного в законодательстве, которое фактически подменяется, что для приведенных примеров означает модели обязательств пожизненной ренты и мены, соответственно. И только в случае отсутствия обязательства, закрепленного в законодательстве, необходимо рассматривать собственно сложное обязательство, начиная анализ с имущественного интереса сложного обязательства, взяв за основу принцип соразмерности встречных имущественных удовлетворений.

Указанные предложения по правовой регламентации делают бессмысленными манипуляции, подобные приведенным выше, а соответственно, избавляют от необходимости применения общих запретов, подобно приведенным указам.

С позиции правового регулирования сложных обязательств нет необходимости использования общих запретов в отношении безвозмездных обязательств для коммерческих и некоммерческих организаций, поскольку приведенное рассуждение полностью подходит и для обязательств с участием хозяйствующих субъектов, включая организации. В частности, получившая широкое распространение в прежние времена «шефская помощь», которая не прекращается в и настоящее время, по сути, является сложным обязательством, направленным на приобретение материальных средств.

Вместе с тем следует обратить внимание и на другие причины, порождающие общий запрет, которые преимущественно связаны с пересечением относительных (обязательственных) и абсолютных правоотношений:

1) *связанные с производными обязательствами*, — налогообложением, которое для безвозмездных обязательств затруднено в случаях, когда налог взимается с дара в виде дорогостоящего имущества в натуре.

По нашему мнению, для дарителя и одаряемого в этом случае необходимо ввести *субсидиарное налоговое обложение безвозмездных договоров*, где в случае, если одаряемый в течение определенного времени не уплатит налог на доход (прибыль), то такой налог обязан внести даритель, что предполагает дополнение гл. 4 *Общей части НК* Республики Беларусь [14] «Налоговое обязательство и его исполнение» (а указанное вполне применимо и для налогового законодательства России и Украины) ст. 40—41 «Субсидиарное налоговое обязательство» со следующим содержанием:

«1. Лицо, совершающее безвозмездную договорную сделку в пользу другого лица, являющегося выгодоприобретателем, а равно возмездную договорную сделку с последующим прощением долга, по истечении срока, установленного для уплаты выгодоприобретателем соответствующего налога, несет субсидиарную налоговую ответственность.

До истечения срока, установленного для уплаты налога субсидиарным должником, пеня и налоговые штрафы не начисляются».

2. Субсидиарная налоговая ответственность не может применяться в случаях, когда выгодоприобретатель освобождается от уплаты соответствующего налога в соответствии с законодательством.

3. Субсидиарная налоговая ответственность не применяется в следующих случаях: ...»

Исходя из трактовки п. 1 предлагаемой нормы, заменять возмездные сделки безвозмездными стано-

вится фактически не выгодно, что, с одной стороны, позволяет избавиться от использования общих запретов, в тоже время, несомненно, уменьшит различные «манипуляции» безвозмездными обязательствами с целью минимизации налогов, поскольку в этом случае для сложных обязательств можно заплатить налог дважды (за себя и за вторую сторону).

2. Общий запрет преследует *цель защиты интересов собственников и учредителей (участников) юридических лиц*, что может быть разрешено путем закрепления в законодательстве обязательных разрешений общего собрания участников (собственников) организации на совершение безвозмездных сделок. Это предполагает дополнение ст. 393 ГК Республики Беларусь «Возмездный и безвозмездный договор» п. 4 следующего содержания: «Заключение безвозмездных договоров юридическими лицами, передающими имущество (имущественные права), осуществляется с разрешения общего собрания его участников (собственника)».

Приведенные выше рассуждения позволяют определиться и с ситуацией, когда безвозмездные договорные обязательства заменяются возмездными договорными обязательствами, впоследствии, дополняя отношения условием о прощении долга. Но здесь возможны две различные ситуации: (1) когда имеет место подмена безвозмездных отношений; (2) когда должник не в состоянии расплатиться и кредитор, считая указанный долг безнадежным, прощает ему долг; в последнем случае, по-видимому, введение предлагаемого субсидиарного налога, было бы несправедливым.

Ситуация, предполагающая субсидиарный налог, по-видимому, должна презюмироваться, тогда во втором случае необходимо представить доказательства неплатежеспособности второй стороны. Что же касается недобросовестного поведения одаряемого, то следует полагать, что этот риск должен брать на себя даритель.

Таким образом; законодательное урегулирование сложных обязательств и отработка механизмов оптимального налогового сопровождения позволяет исключить необходимость использования общего запрета, противоречащего основам рыночного правового регулирования.

Б. Определенность в сложных обязательствах позволяет изменить позицию на соотношение *конкурирующих обязательств мены и двух встречных поставок*, а равно, на сходные отношения, связанные с манипулированием *взаимозачетами*.

По отношению к предпринимательской деятельности белорусские и российские хозяйственные (арбитражные) суды отрицательно относятся к обязательствам мены, рассматривая их как встречные договоры поставки.

Так, например, согласно разъяснений Кассационной коллегии Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь товарообменная операция между субъектами хозяйствования также рассматривается как два встречных договора поставки [15].

Указ Президента Республики Беларусь от 15 августа 2005 г. № 373 «О некоторых вопросах заключения договоров и исполнения обязательств на территории Республики Беларусь» своим п. 1.1 запретил при осуществлении предпринимательской деятельности организациям и индивидуальным предпринимателям *заключать договоры мены*, равно как и иные основания прекращения обязательства по возмездным договорам *без поступления денежных средств*.

Причина указанного подхода в своей основе *фискальная*, поскольку возникают проблемы с уплатой динамических налогов (на прибыль, на доходы, НДС), т. е. связана с возникновением производных (налоговых) обязательств.

Еще в дореволюционном законодательстве подобная дискуссия возникала в отношении мены недвижимости, поскольку по дореволюционному гражданскому законодательству объектами договора мены могли служить только любые движимые вещи [7, с. 224]. Соответственно, ведущие российские цивилисты Д. И. Мейер [16, с. 571–572], Г. Ф. Шершеневич выступили против такого запрета, последний, в частности, отметил, что «интересы казны нисколько не пострадали бы, если бы закон разрешил мену недвижимости со взысканием только двойных пошлин, хотя и это представлялось бы излишнем затруднением оборота» [17, § 44].

Применив прямую аналогию указанного выше, по нашему мнению, *нет причин к ограничению мены в гражданско-правовых отношениях*, включая предпринимательские отношения, тем более, что данные отношения приобретают особую необходимость при недостаточности денежных средств на счетах. В этом смысле под данные рассуждения полностью подпадают т. н. «бартерные сделки», по поводу которых в России был введен отдельный Указ Президента Российской Федерации от 18 августа 1996 г. № 1209 «О государственном регулировании внешнеторговых бартерных сделок» [18], который понимал под ними «обмен эквивалентными по стоимости товарами, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности». В белорусском законодательстве «бартерные контракты» получили правовую регламентацию в Указе Президента Республики Беларусь от 4 января 2000 г. № 7 «О совершенствовании порядка проведения и контроля внешнеторговых операций» [19]. Более определенная позиция закреплена ст. 715 ГК Украины «Договор мены», где термин «мена» является синонимом термину «бартер».

Для устранения недостатков фискального регулирования обменных (бартерных) обязательств с участием предпринимателей достаточно урегулировать соответствующие налоговые обязательства (НДС, налоги на доходы и прибыль, например, исходя из минимальных ставок), расчет которых выходит за рамки правовых наук. Соответственно, если для сторон действительно необходима менa, а не встречные поставки, то не стоит ограничивать их волеизъявление, а если встречные поставки есть ни что иное, как договор мены (отсутствуют встречные денежные потоки), то в соответствии с предлагаемой теорией сложных обязательств необходимо применять правила договора мены. И поскольку, при таких отношениях возникают сложности с налогообложением, то можно применить предложенное выше правило о субсидиарной налоговой ответственности, что экономически не позволит предпринимателям без лишней необходимости заменять обязательства поставки обязательствами мены, — с нашей точки зрения такой подход больше соответствует принципам свободы договора, закрепленного в ст. 2 ГК Республики Беларусь (п. 1 ст. 1 ГК Российской Федерации; в п.п. 3 ст. 3 ГК Украины), чем полный запрет на применение модели обязательств мены в предпринимательских отношениях.

Для реализации указанного положения, предложенное ст. 40-1 НК Республики Беларусь «Субсидиарное налоговое обязательство» следует дополнить следующим положением: «Организации и индивидуальные предприниматели, совершающие сделки мены, иные сделки, направленные на извлечение прибыли, в которых отсутствуют поступления денежных средств (бартерные сделки), несут субсидиарную налоговую ответственность».

В. Обоснование положений института сложных обязательств позволит поставить точку на т. н. «механизм разделения отношений» с различными целями, например, при исполнении финансовых обязательств с целью получения дополнительной прибыли, когда финансовые обязательства фактически делятся на основное обязательство и т. н. «комиссионный сбор» (комиссионный взнос, плата за снятие наличных, покупка информации и т. п.).

Так, например, типовой договор о выдаче «экспресс-кредитов» в ЗАО «Акционерный коммерческий банк «БелРосБанк» предлагает кредиты физическим лицам (в сумме от 500 до 1500 \$) по процентной ставке 13 % годовых [20]. Однако в договоре, кроме того, предусмотрены: во-первых, ежемесячное комиссионное вознаграждение 10 000 бел. руб.; во-вторых, разовую комиссию — 50 000 бел. руб.; в-третьих, 3 % от суммы кредита за снятие наличных денег через банкомат; наконец, в-четвертых, деньги выдаются в белорусских рублях по цене прода-

жи (по отношению к сумме, указанной в долларах в договоре), а вносятся по цене покупки, на что также не в пользу кредитополучателя. Например, если взять кредит на сумму эквивалентный 1 000 000 бел. руб. (около 470 \$) на один год, то с учетом всех перечисленных дополнительных выплат клиента фактически кредит выдается под 48 % годовых.

По нашему мнению, для устранения подобных явлений ст. 171 ГК Республики Беларусь о притворных сделках (которые актуальны также для российского и украинского ГК) необходимо дополнить третьей частью следующего содержания: «Условия сделки, не соответствующие ее имущественному содержанию, в т. ч. изменяющие или искажающие его, а равно предоставляющие дополнительные экономические выгоды помимо тех, которые указаны в имущественном содержании, по решению суда могут быть признаны недействительными, если законодательством они не признаны ничтожными».

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь // Ведомости Нац. Собр. Респ. Беларусь. — 1999. — № 7–9. — Ст. 101.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Украины // Відомості Верховної Ради України. — 2003. — № 40–44. — Ст. 356.
4. Гражданское право: Учеб. В 2 ч. Ч. 1 / В. Н. Годунов, А. В. Каравай, Е. В. Лаевская и др.; Под общ. ред. В. Ф. Чигира. — Минск: Амалфея, 2002.
5. Гражданское право: Учеб.: В 2 т. Том II. Полутом 1: Учебник / В. В. Витрянский, В. С. Ем, И. А. Зенин, С. М. Корнеев и др.; Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. — 2-е изд.; перераб и доп. — М.: БЕК, 2000.
6. Гражданское право: Учеб.: Том 2. — Изд. 6-е, перераб. и доп. / Под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. — М.: ООО «ТК Велби», 2002.
7. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. Издание 2-е, стереотип. — М.: Статут, 2000.
8. Гражданское право: Учеб. В 2 ч. Ч. 2 / Т. В. Авдеева, С. М. Ананияч, В. Н. Годунов и др.; Под общ. ред. В. Ф. Чигира. — Минск: Амалфея, 2002.
9. Указ Президента Республики Беларусь от 1 июля 2005 г. № 300 «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2005. — № 105. — 1/6586.
10. Указ Президента Республики Беларусь от 15 августа 2005 г. № 373 «О некоторых вопросах заключения договоров и исполнения обязательств на территории Республики Беларусь» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2005. — № 128. — 1/6698.

11. Веленто И. И., Елисеев В. С. Теория экономического права: Курс лекций / И. И. Веленто, В. С. Елисеев. — Иродно: ГрГУ, 2004.
12. Гражданское дело от 11 октября 2005 г. «Тонкости завещания» // Архив. — www.chassuda.ru.
13. Гражданское дело от 10 августа 2006 г. // Архив. — www.chassuda.ru/family.
14. Налоговый кодекс Республики Беларусь // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2003. — № 4. — Рег. 2/920.
15. Постановление Кассационной коллегии Высшего хозяйственного суда Респ. Беларусь от 6 мая 2005 г. по делу № 6/16/04-158 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс Беларусь». — Минск, 2006.
16. Мейер Д. И. Русское гражданское право. В 2 ч. По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902 г. //

Классика российской цивилистики. — Изд. 3-е, испр. — М.: Статут, 2003.

17. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (По изд. 1907 г.). — М.: Спарк, 1995.

18. Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 35. — Ст. 4141.

19. Указ Президента Республики Беларусь от 4 января 2000 г. № 7 «О совершенствовании порядка проведения и контроля внешнеторговых операций» // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2000. — № 5. — 1/915; 2001. — № 58. — 1/2737.

20. См. действующую форму кредитного договора ЗАО «Акционерный коммерческий банк «БелРосБанк» // Документ официально опубликован не был.

Представлена в редакцию 19.09.2007 г.

УДК 339.9:347.763

А.Ю. Космачевская,

магистрант

*Таврического национального
университета им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ КАК ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ УЧАСТИЯ УКРАИНЫ В ПРОЦЕССАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

С целью создания условий для быстрого и безопасного передвижения грузов и пассажиров между странами и континентами во второй половине XX века начался процесс развития так называемых «международных транспортных коридоров» (далее — МТК); в пределах которых обеспечивается единый характер движения и согласовываются необходимые для этого технологические, экономические, нормативно-правовые, логистические и экологические условия. В настоящее время вся система МТК постепенно объединяется для создания единой планетарной транспортной системы на основе интеграции континентальных транспортных коммуникаций между Европой и Азией, Азией и Америкой, Европой и Африкой и т. д. Одним из основных в этом контексте является направление Европа-Азия, поскольку между данными регионами не только простирается огромное пространство с населением свыше 3 млрд чел. (то есть около половины населения

планеты), но и разворачиваются главные события международной торговли уже с конца XX в. В ближайшей перспективе ожидается удвоение роста торгового обмена между Европой и Азией с достижением 600 млрд дол. в год [1]. В связи с этим возрастает существенность значения исследования проблемы формирования единого транспортного пространства как в рамках Евразийского материка в целом, так и в рамках Европы в частности, а также интеграции Украины в данную систему.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью интеграции транспортных сетей и транспорта Украины в международную транспортную систему и европейскую транспортную сеть с целью привлечения дополнительного объема перевозок и валютных поступлений, сокращения транспортных затрат, приближения к международным стандартам перевозки пассажиров и грузов, энергетических и экологических показателей работы

© А.Ю. Космачевская, 2007